

Оксана Харченко
(Брест)

Организация церковной жизни в Западной Беларуси (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)

После событий 1917 г. Церковь оказалась в центре совершенно новых исторических и политических событий. Приход к власти в России коммунистической партии и проводимая ею антирелигиозная пропаганда, становление нового огромного советского государства — СССР, на территории которого проводилась единая жесткая политика в отношении Русской Православной Церкви (РПЦ), Католического Костела и других конфессий, казалась должны были содействовать скорейшему исчезновению религии и Церкви в коммунистическом государстве. По данным, составленным в 1936 г. могилевским католическим епископом Неве¹, из 853 католических священнослужителей в СССР осталось 16, более 300 епископов и ксендзов были расстреляны, действовало только 30 костелов и каплиц². Однако, Церковь не только сумела выжить в созданных для нее чрезвычайных условиях, но и вернуть в свое лоно многих потерянных до этого чад.

РПЦ в Восточной Беларуси, входившей в то время в состав СССР как союзная советская республика, также испытала на себе всю тяжесть государственной антирелигиозной политики. Согласно документам Комиссии по отделению Церкви от государства, только в Советской Беларуси из 1022 храмов действующих на 1 января 1930 г., в течении двух последующих лет было закрыто и передано под так называемые культурные и хозяйственные нужды 573 церкви³. И хотя наличие непосредственной границы с Польшей и вынуждало советскую власть вести здесь более умеренную по отношению к Церкви политику, это обстоятельство не помешало большевикам провести полное ограбление белорусских храмов и засеять семенами безбожия души новых поколений граждан страны Советов. В 1939 г. началось изменение курса го-

¹ Епископ Неве вошел в историю как «агент влияния Ватикана, как ключевая фигура заговора Ватикана»; «(...) проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался шпионажем против Советского Союза». О. Ю. Васильева, *Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор*, Москва 2004, с. 22-25, а также: О. Васильева, *Дело архиепископа Варфоломея*, «Альфа и Омега», 2000, № 4, с. 202.

² Т. С. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.)*, Минск 2002, с. 303.

³ Ф. Кривонос, *Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918-1951 гг.)*, Киевец 1996, с. 6.

сударственной религиозной политики — закончился десятилетний период открытого наступления на Церковь. Переломным моментом в этом плане стали события сентября 1939 г. — вступление советских войск на территорию Польши и присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными:

— во-первых, политика «воинствующего атеизма» не достигла своей главной цели — полного вытеснения религиозной веры, что подтверждают не только данные переписи населения 1937 г. (более 50% оказалось верующими)⁴, но и исследования историка Владимира Зензинова. Ученый, проанализировав письма, обнаруженные финнами в карманах красноармейцев, которые погибли в ходе советско-финской войны 1939–1940 гг., пришел к заключению «о неудаче религиозной пропаганды в СССР». Только лишь в одном письме красноармеец был равнодушен к религии, а основная масса писем содержала упование на Божию милость, родительское благословение⁵;

— во-вторых, надвигавшаяся война требовала национального единства вместо атмосферы внутригражданской борьбы, провоцируемой нападками на верующих;

— в-третьих, появилась заинтересованность в использовании Патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. республик, при этом был учтен благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями Православной Церкви (ПЦ).

В бывших восточных польских областях число православных архиереев было семь:

- архиепископ Виленский и Литовский Феодосий (Феодосиев);
- архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев);
- архиепископ Волынский и Кременецкий Алексий (Громадский);
- епископ Острожский Симон (Ивановский);
- епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко);
- епископ Луцкий Поликарп (Сикорский);
- бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский). За непризнание так называемых «Временных правил 1922 г.»⁶ и за противление курсу на незаконную автокефалию Польской ПЦ епископа Пантелеимона отрешили от управления епархией и заточили

⁴ Д. Поспеловский, *Православная Церковь в истории Руси, России и СССР*, Москва 1996, с. 279.

⁵ С. В. Феофилин, *Взаимоотношение государства и религиозных организаций в 40-х — середине 50-х гг. XX в.*, Майкоп 2002, с. 53.

⁶ А. Попов, *Гонение на Православие и русских в Польше*, Белград 1937, с. 37.

в Мелецком монастыре под надзор настоятеля⁷. В секретных документах архиерей Пантелеимон (Рожновский) упоминается как «бывший адмирал царской армии»⁸. При этом следует отметить, что переход священнослужителей в Московскую Патриархию как раз и облегчался недовольством многих священников и части архиереев тем, что после отделения ПЦ в Польше от Русской в 1923 г., глава Польской ПЦ митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказавшись под давлением польского правительства и украинских националистов, поддерживал полонизацию как русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. В 1939 г митрополит Дионисий остался на территории, отошедшей к Германии, и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не мог⁹.

Тем не менее, все же Московской Патриархии доставляли проблемы правящие архиереи присоединенных областей. Дело в том, что тамошние православные епархии в послереволюционный период, кто раньше, а кто позже, заявили о своей церковной самостоятельности. Теперь в новых политических обстоятельствах неизбежно вносились изменения и в жизнь церковную. Патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) стремился упорядочить здесь церковную жизнь и взять ее под контроль. Можно представить его точку зрения на церковные проблемы на данных территориях в письмах епископу Александру (Толстопятову), где он писал: «Наши новые области заставляют таки беспокоиться. Новая заплата не сразу пристает к старой одежде. Все у них там как-то по-своему. В особенности трудно дается усвоить, что прежняя их автокефалия на церковном языке называется «раскол» со всеми следующими отсюда выводами: что все, признаваемое за ними, признается лишь «икономии» ради, а строго говоря, по канонам, ни на что они расчитывать права не имеют. Они же представляют дело приблизительно вроде Вашего переезда из Череповца в Слободской: взял чемодан, купил билет и с Богом. Много еще придется с ними потерпеть, втолковывая таблицу умножения. (...) Ждет устроства Бессарабия. Туда командирован епископ Алексий Сергеев. В Западную Украину и Белоруссию поехал (временно) экзархом архиепископ Николай Ярушевич. Теперь нянчимся с Латвией и Эстонией. Командирован в Латвию и Эстонию наш архиепископ Сергий. Латвия принесла покаяние, а об Эстонии пока не знаем»¹⁰.

⁷ Антоний (Мельников), *Жировичский Свято-Успенский монастырь*, часть 3-я (машинопись), Одесса 1964, с. 345-350.

⁸ Российский государственный архив современной политической истории (далее: РГАСПИ), фонд 17, оп. 125, д. 44, с. 15.

⁹ М. В. Шкаровский, *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах)*, Москва 2000, с. 106.

¹⁰ Патриарх Сергий и его духовное наследство, Москва 1947, с. 227.

Важность поставленной со стороны советских органов власти задачи подчеркивает тот факт, что в западные области после воссоединения Западной Украины и Западной Беларуси были посланы двое из четырех уцелевших правящих архиереев¹¹. Местоблюститель Сергий (Старогородский) направил на Волынь в Кременец архиепископа Сергия (Воскресенского). Архиепископ принял в юрисдикцию Московского патриархата духовенство Волынской епархии. В начале 1941 г. сюда был перемещен и архиепископ Николай (Ярушевич), возведенный в сан митрополита Волынского и Луцкого. Он же стал новым экзархом Украины, а резиденцией экзарха стал город Луцк¹².

На вновь вошедшей в состав Советского Союза территории значилось большое количество богословских учебных заведений. К примеру, в Эстонии находилась Духовная семинария в Печорах и православный богословский факультет в Дерптском университете, в Латвии — Духовная семинария в Риге и православная секция при протестантском факультете Рижского университета. В Бессарабии находилась Духовная семинария в Кишиневе, в Северной Буковине — Духовная семинария в Черновцах, а также две Духовные семинарии — Кременецкая и Виленская и две постоянные школы псаломщиков. Одна находилась при Богоявленском монастыре в Кременце (Волынская епархия), вторая — при Свято-Успенском монастыре в Жировичах (Гродненская епархия).

Имелось также значительное число католических и униатских храмов и монастырей. По утверждению Н. Новикова, только в Западной Беларуси насчитывалось 6 тыс. костелов, 9 тыс. священников и 20 тыс. монахов. Польский исследователь Веслав Мыслек, ссылаясь на официальные религиозные источники, подсчитал, что в Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах в 1939 г. имелось 5018 католических приходов¹³. Католиков и греко-католиков насчитывалось до 8 млн.

С присоединением Западной Беларуси к БССР, осенью 1939 г., были включены территории трех предвоенных римско-католических диоцезий — Виленская, Пинская и Ломжинская¹⁴. При этом, среди верующих — католиков по вероисповеданию — в западных областях Бела-

¹¹ В. Цыпин, *История Русской Православной Церкви 1917-1990*, Москва 1994, с. 106.

¹² А. Свитич, *Православная Церковь в Польше и ее автокефалия*, [в:] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917-1950 гг.: сборник*, Москва 1997, с. 265.

¹³ Цыт. за: А. Круглов, *Развитие атеизма в Белоруссии*, Минск 1989, с. 240.

¹⁴ K. Sword, *Polityka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi Zachodniej w latach 1939-1941*, [w:] K. Sword, *Społeczeństwo białoruskie, litewskie i poleskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941*, Warszawa 1995, s. 144.

руси преобладали поляки, в Виленской и Пинской диоцезиях значительную часть католиков составляли белорусы¹⁵.

Советской властью признавалось, что во вновь присоединенных областях влияние духовенства гораздо сильнее, чем в других республиках Союза, в связи с чем предписывалось проводить более осмотрительную церковную политику. Это признает и Емельян Ярославский¹⁶ в статье „О задачах антирелигиозной пропаганды”:

„Понятно, что в недавно присоединившихся к СССР союзных республик вопрос о религии имеет особенное значение. Там еще сильна власть религии, которую всячески насаждали буржуазные режимы. Там в течение десятилетий обманывали население сказками о „религиозных гонениях” в СССР, о том, что будто бы у нас запрещают молиться и т.д. Вот почему нам нужно быть очень тактичными при объяснении вреда религии трудящимся новых советских республик. Конечно, и там произойдет та революция в сознании трудящихся, которая произошла в нашей стране за двадцать два года, но она пойдет гораздо быстрее, потому что эти народы получают советскую власть в готовом виде, а мы за советскую власть дрались на фронтах гражданской войны. Они в готовом виде получают всю советскую организацию, все созданные советской властью учреждения и весь накопленный за это время опыт. Пусть этот путь, уже пройденный нами, они с помощью всего Советского Союза пройдут гораздо скорее”¹⁷. Новая религиозная ситуация актуализировала после почти десятилетнего отсутствия каких-либо официальных и неофициальных связей и вопрос о взаимоотношении СССР с Ватиканом. К тому предпринимал попытки и Ватикан, хотя в августе 1940 г. советские власти объявили о разрыве дипломатических отношений стран Прибалтики с Ватиканом. Известно, что в октябре 1940 г. полпред СССР в Югославии Виктор Плотников сообщил в наркомат иностранных дел, что по поручению Пия XII к нему обратился хорватский католический священник с официальным предложением принять в Москве уполномоченных Ватикана для переговоров. Однако позиция Москвы была жесткой и Вячеслав Молотов ответил, что «советское правительство не видит возможности заключить соглашение с папой, так как это соглашение могло бы вызвать недовольство, как пра-

¹⁵ N. S. Lebiediewa, *Uchwały Komitetu Centralnego WKP(b) i sowietyzacja Polski, [w:] Sowietyzacja Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej po 17 września 1939 r.* Studia pod red. A. Sudoła, Bydgoszcz 1988, s. 40.

¹⁶ Емельян Михайлович Ярославский (1878-1943) — настоящие имя и фамилия: Миней Израилевич Губельман, революционер, деятель Коммунистической партии, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Председатель «Союза воинствующих безбожников».

¹⁷ Е. Ярославский, *О задачах антирелигиозной пропаганды*, «Безбожник», 18.08.1940.

вославного духовенства, так и религиозно настроенных прихожан, не сочувствующих Католической церкви»¹⁸.

Очень скоро и на «новые советские территории» во все более и более широком масштабе стал приноситься и использоваться уже имевшийся опыт «регулирования» отношений с религиозными организациями. Конституция СССР 1936 г., как и основанная на ней Конституция БССР 1937 г. подтверждали отделение церкви от государства и школы от церкви, декларировали свободу отправления религиозных культов, а так же свободу антирелигиозной пропаганды. Все антицерковные мероприятия в Западной Беларуси проходили на основании действующих в Советском Союзе постановлений ВЦИК, СНК, НКВД, НКЮ. Уже с ноября 1939 г. вступило в силу союзное законодательство, на основании которого вводился запрет на хозяйственную (создание кооперативов) и благотворительную работу религиозных общин. Ликвидировались религиозные партии и церковно-общественные объединения; закрывались философско-теологические факультеты в государственных учебных учреждениях, церковные типографии и магазины религиозной литературы, но без насильственного закрытия храмов¹⁹. Национализировалась собственность религиозных обществ. Местным органам власти рекомендовалось усилить контроль за составом руководителей общин. Несколько упрощался порядок закрытия культовых зданий: решение этого вопроса передавалось облисполкомам Советов. Государственные органы власти вмешивались в дела церковного управления через так называемые «двадцатки» мирян (религиозные общины в количестве не менее 20 человек)²⁰. При всем этом, в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. была провозглашена свобода совести, а за лицами духовного звания сохранялись избирательные права²¹.

По примеру СССР духовные лица облагались высокими налогами: подоходный налог и культовый сбор. Размер подоходного налога определялся республиканскими финансовыми органами, культсбор — районными²². Еще в начале 1930-х гг. в газетах отмечалось, что среди прочих мер против священнослужителей существует необходимость использования налогового переобложения духовенства²³. Размеры сумм, под-

¹⁸ Документы внешней политики. 1940 — июнь 1941, т. XXIII, кн. 1, Москва 1995, с. 659-660, 688.

¹⁹ Д. Поступовский, *Православная Церковь в истории Руси, России и СССР*, с. 280.

²⁰ Т. С. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси...*, с. 287.

²¹ Л. Регельсон, *Трагедия Русской Церкви. 1917-1945*, Москва 2007, с. 324-325.

²² Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ), фонд. 4, оп. 27, д. 328, л. 158.

²³ Т. С. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси...*, с. 300.

лежащих взысканию с церковнослужителей, устанавливались произвольно и не соответствовали реальным возможностям религиозных организаций. Несомненно, что облагая священнослужителей налогами, советская власть, преследовала свои цели, которые были очень хорошо раскрыты в письме Венедикта (Бобковского) — архимандрита Свято-Успенского Жировичского монастыря (согласно указу № 161 от 28 марта 1941 г. — епископ Брестский)²⁴ несвижскому священнику А. Русецкому: «(...) делается это сознательно под лозунгом «сами откажутся от Церкви» без всякого какого-либо насилия. Такой же способ они не считают насилием»²⁵. Это свидетельствуют и докладные записки, из которых видно, что советские органы власти за собой признавали «некоторые искривления, допущенные в церковных вопросах». Так, в одних случаях низовые работники переоблагали духовенство крупнейшими ставками налога, в целях покончить с религией, путем выживания попа. В других — низовые и окружные работники финансового аппарата проделывали это в целях перестраховки себя от обвинений в правом уклоне. В отдельных случаях создавалось впечатление, что работники финотделов не умеют считать цифры менее чем с тремя нулями при определении доходности и налоговых ставок, не было учета реальных возможностей — сумеет ли налогоплательщик оплатить налог, даже за счет всего своего имущества²⁶. Тем не менее, неуплата налогов в определенный срок грозила конфискацией имущества церковнослужителей, арестом (от 1 до 5 лет исправительно-трудовых лагерей) или расстрелом. В качестве оправдания этих и других подобных мер использовался тезис, что среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков²⁷. Встречались отдельные случаи, когда священники среди прихожан вели активную агитацию за отказ от выполнения проводимых советской властью мероприятий и призывали к объединению вокруг Церкви с тем, чтобы организованно выступить с протестом против обложения служителей культа налогами²⁸. Однако, среди православного клира подобные действия, как правило, не находили поддержки.

В некоторых приходах прихожане сами собирали средства на оплату непосильных налогов священников. Церковным советом Новосверженской церкви (Барановичская область) совместно со священником Александровским была проведена перепись верующих нескольких де-

²⁴ В. Костюк, *История Полесской епархии (1922-1944 гг.)*, Брест 1999, с. 118.

²⁵ Государственный архив Брестской области (далее: ГАБО), фонд 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 170.

²⁶ НАРБ, фонд. 4, оп. 14, д. 33, л. 4.

²⁷ *На пути к свободе совести*, Москва 1989, с. 378-386.

²⁸ ГАБО, фонд. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 167, 210.

ревень. Одновременно с них собирались деньги и продукты для уплаты налога²⁹. В деревне Бостинь, Лунинецкого района, Пинской области священник Вечерко для уплаты налога организовал сбор средств от 10 до 15 руб. с каждого крестьянского двора³⁰. Органы НКВД арестовывали инициаторов, а также брали на заметку жертвующих.

За разъяснением по поводу обложения налогами православное духовенство обращалось в Епархиальное управление в Жировичах. В ответах и указаниях благочинным, священникам в отдельности, Епархиальное управление, в частности, архимандрит Венедикт (Бобковский) призывал «стойко держаться на своих местах». Он успокаивал тем, что «со стороны Экзарха будут приняты соответствующие меры, вплоть до посылки специальных делегаций в Москву к самому Сталину³¹. В письме священнику г. Барановичи Зинкевичу архимандрит Венедикт писал: «Обложение непосильными податками имеет определенную цель: заставить духовенство прекратить исполнять паstryрские обязанности из-за невозможности внести налоги, а народ лишить церквей. Это излишнее усердие инспекторов ведет только к унижению престижа советской власти. Думается, что в Москве за это не похвалят потому, что уже находятся разумные люди, кои собираются телеграфировать в Москву тов. Сталину (...). Владыка решил телеграфировать в Москву от имени духовенства и прихожан, когда наберется больше просьб от народа и духовенства, так что пусть поторопятся прихожане церквей посыпать ему просьбы о защите (...). И, наш совет — вносить посильнo надо и нельзя саботажничать! Плох будет тот паstryр, который откажется от своего паstryрского креста»³².

Не только церковнослужители, но и церковные активисты собирали подписи под письмами, адресованными тов. Иосифу Сталину с просьбой уменьшить непосильное обложение. Так поступил церковный актив местечка Негневичи Любчинского района, который в телеграмме обратился с просьбой сохранить церковь и притчи, освободить последних от непосильных налогов. Взамен верующие даже соглашались жертвовать на Красную Армию. В итоге, телеграмма была задержана Любчанским райотделом НКВД, который дал указание установить инициаторов послания и взять их в активную агентурную разработку³³. Или, 4 июня 1940 г. пять жителей г. Столбцы обратились в райисполком с жалобой на неправильность обложения налогом столбцовской церкви. В ответ на это начальнику Столбцовского райотдела НКВД также бы-

²⁹ ГАБО, фонд. 7581 «П», оп. 1, д. 19, л. 96.

³⁰ НАРБ, фонд. 4, оп. 27, д. 328, л. 152.

³¹ ГАБО, фонд. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 168-170.

³² ГАБО, фонд. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 216-217.

³³ ГАБО, фонд. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 211.

ло дано указание взять под агентурное наблюдение лиц, обратившихся с жалобой³⁴. Таким образом, любая подобная деятельность попадала под зоркий контроль органов НКВД, о чем свидетельствуют составленные ими отчеты, заявления, соответствующие указания.

С первых дней установления советской власти в Западной Беларуси священнослужителей и церковных старост не раз вызывали в органы НКВД. Из воспоминаний епископа Митрофана (Зноско)³⁵: «(...) Быстро почувствовали мы тяжелую руку новой власти. Нас лишили возможности пользоваться водой из колодца в церковной ограде. За водой пришлось ходить за два квартала от дома (...). Все священнослужители, не исключая старика настоятеля Свято-Симеоновского собора, являлись на вызовы в НКВД в штатских костюмах. Я был исключением, т.к. являлся в НКВД (всего четыре вызова), в горфинотдел и в другие учреждения в яссе с крестом на груди. Возможно, что это избавило меня от частых вызовов»³⁶.

Советской пропагандой утверждалось, что «церковники всех мастей в новых условиях несколько перестроились, приспособились и видоизменили формы своей реакционной деятельности, особенно активную борьбу они ведут за влияние на молодежь и детей»³⁷. Советские власти на местах начинают подбор информации об антисоветской деятельности. Так, по мнению местных партийных структур, таковыми являлись действия католических священников, которые «собирали к себе детей, читая им Евангелие» или «обучали их молитве»³⁸. Из-за невозможности легальной религиозной деятельности католическое духовенство действительно стремилось различными способами не допустить расширения атеистической пропаганды прежде всего среди молодежи. Например, в Рожокатовском сельсовете Чижевского района был распространен слух о том, что кто хорошо поет, может посещать хор в костеле. Оказалось, что ксендз организовал большой хор из молодых девушек и юношей, при этом, в хоровой кружок вошли даже те, которые никогда не пели или поют очень плохо. В том же районе ксендз Вишневский во дворе костела организовал для детей игры в мяч, в футбол, в шашки, домино, во время

³⁴ ГАБО, фонд. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 214-215.

³⁵ Митрофан Константинович Зноско-Боровский родился 4/17 августа 1909 г. в Бресте в многодетной семье настоятеля Свято-Николаевской Братской церкви отца Константина и матушки Веры. Являлся выпускником русской гимназии в 1930 г., которая работала в Бресте в 1919-1939 гг. В 1938-1944 гг. был настоятелем храма, в котором ранее служил его отец.

³⁶ Митрофан (Зноско), *Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX. 1935 — IX. 1995*, Москва 1995, с. 97.

³⁷ У. Г. Доктараў, *Пад гатычнымі скляпеннямі касцёлаў (палітыка каталіцызму ў Беларусі)*, Минск 1975, с. 78.

³⁸ РГАСПИ, фонд 17, оп. 125, д. 44, л. 18, 21.

которых обучал молитвам. В местечке Суховоле Домбровского района ксендз для детей регулярно устраивал возле костела физкультурные игры, а в костеле проводил детские вечера³⁹.

О значительном влиянии католических священников на учеников польских школ свидетельствует и такой факт. В Столбцовском районе Барановичской области 11 апреля 1941 г. ксендз поручил ученице 10-го класса 3-й школы Головня Ирине собирать подписи учащихся школы о том, что в дни польской Пасхи они будут вместо школы посещать Костел. Головня Ирина успела собрать 15 подписей учащихся старших классов. Однако сбор подписей был сорван, так как другая ученица этой же школы (по национальности полька, подавшая заявление о приеме ее в комсомол) сообщила об этом директору. По данному факту началось детальное расследование для выяснения, кто из учеников поставил свои подписи⁴⁰.

В докладной записке «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Барановичской области» сообщалось, что в Щучинском районе ксендз, в связи с переписью скота, зарезал свою корову и мясо раздал крестьянам бесплатно, стараясь тем самым завоевать себе авторитет. Также «в интересах верующих, церковники приспосабливали богослужение в костелях к рабочим часам учреждений и предприятий, а в выходные дни костелы были открыты целый день»⁴¹. После опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о введении 8-часового рабочего дня через несколько дней изменились часы служения в костелах: утром — на один час раньше, вечером — на один час позже⁴². В результате, в ряде мест отмечалось более оживленное посещение костелов (а влияние ксендзов на родителей в костелах передавалось и на детей). Естественно, подобная деятельность считалась незаконной и пресекалась советскими органами власти. Антисоветский характер носили проповеди упомянутого ксендза Вишневского, который, в частности, позволил себе 27 ноября 1940 г. в стенах Чижевского костела произнести следующее: «Есть государства, которые не признают религию, эти государства стремятся сделать людей неверующими в Бога, но ни одно государство никогда не было вечным, оно изменяется по Божией воле. Посмотрите вы на историю государства Бисмарка и других господ, их государства сменялись, но религия католическая всегда одна, она была и будет вечна. Сколько не было войн между народами и государствами одних против других, но наш Бог не воюет ни мечом, ни огнем, а воюет словами и верность его вечна. Верующие католики должны объединять-

³⁹ НАРБ, фонд 4, оп. 27, д. 328, л. 24-25.

⁴⁰ НАРБ, фонд 4, оп. 27, д. 328, л. 112.

⁴¹ НАРБ, фонд 4, оп. 27, д. 328, л. 21-22.

⁴² НАРБ, фонд 4, оп. 27, д. 328, л. 24.

ся и молиться во имя большого мученика Иисуса Христа, которого распяли «жиды». Наши дети должны верить в Бога, как и мы, они должны быть верующими католиками»⁴³.

Помимо сбора средств на уплату налогов и посылки жалоб в органы советской власти, прихожане организовывали шествия, отправляли делегации в защиту своих священников. Например, в Ганцевичах к секретарю райкома партии явилась делегация с требованием отпустить арестованного ксендза⁴⁴. Католики г. Несвижа намеревались послать в райисполком многочисленную делегацию с требованием снижения налогов, правда, своего согласия на осуществление этого мероприятия не дал сам ксендз⁴⁵. Как и православные священнослужители, ксендзы не только облагались налогами на «нетрудовые доходы», но и принуждались к строительству дорог, к работе на вырубках лесов⁴⁶. При этом, советские органы власти отрицали всякие сообщения зарубежных средств массовой информации о «преследованиях и гонениях на верующих-католиков». Вот, характерное высказывание Емельяна Ярославского: «До сих пор еще эти мракобесы продолжают уверять население, будто советская власть закрывает все церкви, запрещает молиться, преследует за веру и т.п. Этим занимается и вражья агентура Ватикана (...). В зарубежной печати, особенно католической, мы встречаем самые дикие выдумки, относящиеся к антирелигиозной деятельности в Западной Украине и Западной Белоруссии (...). Мы должны показать всю недобросовестность, всю гнусность выдумок реакционеров, мракобесов»⁴⁷.

Таким образом, в 1939 г. произошли изменения курса государственной религиозной политики. Можно даже говорить о едином периоде религиозной политики в СССР, для которого было характерно, прежде всего, вынужденное допущение значительной активизации церковной деятельности: Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т.д., при этом, без серьезных видимых уступок, закрепленных законодательством. Несмотря на то, что в 1939 г. наметился курс, связанный с отказом от массированного наступления на Церковь по-прежнему и в 1939-1941 гг. прио-

⁴³ НАРБ, фонд 4, оп. 21, д. 2355, л. 40.

⁴⁴ ГАБО, фонд 7581 «П», оп. 1, д. 19, л. 220.

⁴⁵ ГАБО, фонд 7581 «П», оп. 1, д. 26, л. 169.

⁴⁶ T. Krahel, *Archidiecezja wileńska pod okupacją sowiecką*, [w:] T. Krahel, *Życie religijne w Polsce pod okupacją 1939-1945*, Katowice 1992, s. 494; Государственный архив общественных объединений Гродненской области, фонд 6195, оп. 1, д. 191, л. 124.

⁴⁷ Е. С. Токарева, *Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны*, [в:] Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество, Москва 2002, с. 99.

ритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скончавшее построение безрелигиозного общества. В связи с активизацией церковной жизни в стране, уже к середине 1940 г. советские органы власти вновь начинают ужесточение курса: продолжается закрытие храмов, снова растет число арестов священников и т.д.

Oksana Charczenko — starszy wykładowca na Katedrze Historii Powszechnej Brzeskiego Uniwersytetu Państwowego im. Aleksandra Puszkina.

www.kamunikat.org